

ЭТНОРЕАЛЬНОСТЬ В ФОТООБЪЕКТИВЕ

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ АЛТАЙ: ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА

ЗИМА.

ИСТОРИЯ ТУРАТИНСКИХ КАЗАХОВ

По данным переписи 2002 г., численность казахов Республики Алтай составила 12 108 чел. (6 % от народонаселения); из них 11 125 чел. проживали в сельской местности, в т.ч. в пограничных Кош-Агачском и Улаганском районах – 9 517 и 517 соответственно, в Усть-Канском – 583 чел.; 11 153 казаха назвали родным язык своей национальности.

История формирования этого регионального сообщества начиналась в XIX в.; ее предопределили процессы демаркации границ и геополитические стратегии центрально-азиатских держав, административные и земельные реформы в Российской империи XVIII – середины XIX в. Этнополитическая карта макрорегиона в данный период имела сложную динамическую структуру. Только в конце XVIII – начале XIX в. стало фиксированным понятие “государственная граница”; именно тогда возникла проблема делимитации и демаркации восточных рубежей России.

К XVIII в. Саяно-Алтайский регион превратился в центрально-азиатский форпост Российской империи. В стратегии государственного администрирования пограничные территории, их богатства и народонаселение стали рассматриваться как один из важнейших ресурсов в развитии государства.

Окончательное оформление российской границы в Центральной Азии произошло после подписания Маргеланского договора 1894 г., который вслед за Кульджинским (1851), Пекинским (1860), Чугучакским (1864) и Петербургским (1881) создал для этого фундаментальную договорно-правовую основу. Впервые в рамках Чугучакского протокола был поставлен вопрос о закреплении народонаселения пограничных территорий. Тогда в состав русских пределов вошла значительная (ок. 25 960 кв. верст) территория с 64 тыс. душ кочевого населения. И хотя новая граница вызывала множество вопросов, тем не менее подписание договора имело огромное значение, т.к. устраняло разногласия по территориальным проблемам и способствовало прекращению локальных конфликтов на “ничейной” земле.

Еще до того как произошла разметка границы, российские власти разрешили переселение на Алтай. Совпавшая с демаркацией массовая миграция во

многом определяла содержание этнополитических процессов в сибирских пограничных регионах; одной из ее составляющих стал казахский вектор.

К концу XVIII в. казахам было дано право свободных перекочевов в Сибири при отсутствии у них административного устройства и фискальных повинностей. Постепенно казахи Среднего жуза заняли степные пространства в Прииртышье, позднее – Кулундинскую степь; в это же время они активно осваивали Бухтарминский край, проникая в пограничные пределы Горного Алтая. В начале XIX в. в ряде районов юга Западной Сибири началось образование локальных групп казахского этноса.

К середине XIX в. казахские кочевья занимали уже всю юго-западную часть Алтайского горного круга. С 1850-х гг. казахи особенно активно стали осваивать северо-западные районы Горного Алтая, имевшие по долине р. Чарыш выходы в пределы казахских станиц степного Алтая. Процесс их продвижения на территорию земледельческого пояса усиливался. Уже в начале XIX в. вдоль казахских линий, в предгорных районах Алтая на границах кочевой и земледельческой культур формировалась буферная зона. В 1835 г. здесь возникли новые податные единицы – оседлые инородческие управы: Сарасинская, Быстрянская и Кокшинская. Анализ документальных материалов свидетельствует, что они носили полиэтничный характер.

В формировании Сарасинской инородческой управы заметную роль играли казахи. Эта управа административно выделена из Смоленской крестьянской волости после переписи 1816 г. Согласно устной традиции, в начале XIX в. во время голода в степи с Иртыша откочевали казахи рода “копёк”, которые стали оседать в крестьянских волостях Алтайского округа. В 1830 г. в с. Сарасинском насчитывалось 129 чел. К концу XIX в. в Сарасинской инородческой управе числилась 281 ревизская душа. В это время здесь было 20 деревень и сел, среди которых наиболее значимыми в истории освоения региона являлись Мьюта, Чепош, Анос, Чемал, Едиган, Большая Черга, Манжерок, Абай. По данным сельскохозяйственной переписи 1916 г., Сарасинская управа сохраняла полиэтничный характер; казахскими в с. Сара-

синском были 66 домохозяйств из 257; в с. Большая Кыркыле – 17 из 26; в с. Малая Кыркыле – 11 из 33.

Сарасинские крещенные казахи жили смешанно с русскими, телеутами, кумандинцами; ориентировались на сельскохозяйственную (комплексную) экономику: наделы включали пашню и покосы, в стаде преобладали крупный рогатый скот и лошади, были свиньи и в незначительных количествах овцы; широкое распространение получили пчеловодство и извозный промысел. Наиболее распространенными фамилиями среди сарасинских казахов были: Ивановы, Бухарины, Коптеловы, Амеляновы, Коровниковы, Жаврины, Никитины, Романовы, Старковы, Егоровы, Голых и т.д. Существовая в рамках крестьянской православной культуры, казахи сохраняли самосознание, выраженное в самоназвании и подтвержденное особым статусом приписных “оседлых инородцев”.

Дальнейшая история Сарасы была связана с утратой этнического своеобразия населения; к середине XX в. казахи растворились среди русскоязычного большинства. Но в середине XIX в. Сараса дала начало анклаву казахов, который возник в Северо-Западном Алтае на границе русского земледельческого и алтайского кочевого этнокультурных ареалов.

В 1820–1830-х гг. казахи, не имея разрешения военных властей и администрации Горного округа, осваивали степи от Бийского округа и земель линейного казачьего войска на Бухтарме до г. Петропавловска. Несмотря на все усилия, практика их выдворения за пределы горного округа была неэффективной; в 1835 г., согласно официальной статистике, на его территории кочевало 8 605 казахов; по сведениям на 1849 г., только станичных казахов, проживавших на землях Сибирского казачьего войска, было 16 тыс.

В 1850-х гг. был вновь поставлен вопрос о выселении казахов за пределы Алтайского горного округа. Именно в этот период началось их продвижение в глубь Алтая, в зону расселения “кочевых инородцев”. С середины XIX в. урочища по рекам Черге и Турате, впадающим в р. Ануй (вдоль которой ниже по течению располагались казачьи станицы степного Алтая), стали местом формирования локальной группы казахов. Согласно народной традиции, первыми появились в долине Черги беглые казахи, искавшие земли и воли. В результате крещения из фискальных списков исчезали казахские имена, появлялись Коптеловы, Амеляновы, Романовы, Угрюмовы, Задонцевы, Кусковы, Мокины – эти фамилии были распространены среди крещенных казахов, а также в казачьих станицах по рекам Аную и Чарышу.

Анализ родовой структуры современных казахов Черного Аную позволяет выявить более 20 генеалогических подразделений, большая часть которых

относится к племенным объединениям найманов (ок. 70 %) и кереев (20 %) Среднего жуза. Казахские родовые структуры по аналогии с алтайскими называются сеоками; это – бура, терткара, джарымбет, саржомарт, тырыс-тамба, керей, керей-ажы, архын, матай-тёлёс, даулет, керей-сейбан, керей-куттубай, джанбек, матай-кудас, уак, тёртол, конек, самай, керей-так, саргалдак, сары-дюмур, туранбай, шершент и др. В ходе дисперсного переселения казахов принцип родовой солидарности был в значительной степени сnivelирован, но родовое имя осталось символом самоопределения.

Этносоциальная структура черноануйских казахов начала складываться в середине XIX в. Группа формировалась в результате миграции, вызванной административно-территориальными преобразованиями в казахских кочевьях вслед за принятием “Устава о сибирских киргизах” (т.е. казахах) в 1822 г. В это время переселение казахов имело наиболее интенсивный характер. Переселенцы оседали в станах Алтайской духовной миссии; ее Черноануйское отделение было создано к 1848 г.

Первые записи о крещении казахов с. Черный Ануй сохранились в метрических книгах Улалинской Спасской церкви 1855–1870 гг. Позже регистрация велась в Черноануйской Свято-Троицкой церкви во имя Св. Живоначальной Троицы; храм был построен и освящен в 1885–1886 гг. на средства чиновника Федора Голубева.

Согласно метрическим записям, первыми жителями миссионерского стана стали выходцы из Кокпектинского внешнего округа, созданного в 1844 г. и ликвидированного в ходе дальнейших преобразований. Миграции казахов совпали с открытием и разработкой золотых месторождений в границах округа в 1830–1860 гг. По данным церковных книг, среди казахов Черного Аную преобладали представители Сибан-Кереевской волости (керей); Терестамгалы-Найманской, Бура-Найманской, Сары-Жомарт-Найманской (найманы); а также представители уаков (без волостного, т.е. родового, обозначения).

В 1877 г. в Черноануйском отделении насчитывалось 1 252 души обоего пола. В 1881 г. численность жителей селений Черноануйского стана составляла 1 937 чел., из них 1 389 казахов и алтайцев, остальные – русские. В рамках православной традиции в зоне границы происходил активный процесс культурного обмена. Православие и ориентированный на комплексную крестьянскую экономику стандарт при сохранении языка и самосознания стали фактом существования казахов, проживавших по рекам Черге и Аную.

Черноануйские казахи мало занимались земледелием; в их руках находился извозный промысел Уймонского тракта, проходившего от Бийска через с. Черный Ануй в сторону сел Усть-Кан и Теньга.

В конце XIX – начале XX в. Черный Ануй славился как один из кумысных курортов Алтая. “В селении теперь 130 дворов, – указывалось в историко-статистическом сборнике по Алтаю за 1890 г., – из них 20 русских; есть церковь и школа. Жители новокрещенные киргизы (казахи – **И.О.**) мало занимаются хлебопашеством, главное занятие их скотоводство; русские же хлебопашцы... Здесь кумысники могут дешево, за 1–3 рубля в месяц, нанять отдельный дом (киргизские дома по летам пустуют), покупать от 1 руб. до 1 руб. 50 коп. за ведро кумыса (или 10 коп. бутылка), молоко (3 коп. горшок), яйца 1 руб. за сотню, масло до 50 коп безмен, хлеб и баранов (от 2 до 2 руб. 50 коп. штука). <...> Лучшим приготовителем кумыса считается киргиз (казах – **И.О.**) Машик (Истомин Машик Иванович. – **И.О.**), который делает кумыс различной крепости и вкуса”.

Среди жителей Черного Ануя и окрестностей было немало состоятельных людей. К числу крепких домохозяев принадлежали казахские семьи Акатьевых, Емельяновых, Истоминых, Соколовых, Кусковых, Ивановых, Тугамбаевых. Так, в 1917 г. Истомин Иван Клементьевич (78 лет), имея семью из 10 чел., владел табуном в 210 лошадей, гуртом из 92 коров, отарой овец и коз в 40 голов; усадьбой в 2 дес., пашней в 21 дес., покосом в 75 дес.; имел два плуга, десять железных борон, косилку, веялку, конные грабли, две телеги на железном ходу и пять – на деревянном.

Отгонное скотоводство с преобладанием коневодства и производство кумыса, которое практиковали казахи, являлось основой самосохранения и экономического благополучия этноса. Условием стабильности локального сообщества был принцип взаимодействия казахской, алтайской и русской культур на основе конфессионального единства. Усилия Алтайской духовной миссии, направленные на формирование единого социокультурного стандарта, обеспечивали возможности взаимодействия в рамках полиэтничного сообщества. Известно, например, что при Черноануйском стане уже в 1880-х гг. существовал один из лучших хоров православного Алтая, пользовавшийся особой поддержкой миссии. В результате освоения традиций русского церковного пения у казахов Черного Ануя сформировалась уникальная практика лирического многоголосья. До сих пор звучат в селе протяжные казахские песни.

Активное межкультурное взаимодействие, которое контролировала православная церковь, предполагало тенденцию к ассимиляции по схеме русификации. Но в Черноануйском отделении, где каждая этническая группа сохраняла языковое своеобразие и собственную культурно-хозяйственную нишу, происходило формирование поликультурной модели,

отличающейся большой проницаемостью признаков в бытовой и обрядовой сферах и терпимостью по отношению к иным традициям.

Ситуация изменилась в конце XIX в. с началом переселенческого движения на Алтай. С 1870-х гг. в долине Черги появились переселенцы из Томской, Тобольской, Пермской, Пензенской, Тамбовской, Воронежской, Вятской, Рязанской, Самарской, Орловской, Ковенской и других губерний. Являясь фактическим собственником земли, Кабинет в пореформенное время делал основную ставку на получение доходов от земельной ренты и организации арендного хозяйства. Однако с начала активного переселения на Алтай прибывало зачастую малообеспеченное неплатежеспособное население; кроме того, возможности степного и предгорного Алтая по приему новоселов вскоре были исчерпаны.

“Положение о поземельном устройстве крестьян и инородцев, водворившихся в Алтайском округе на землях Кабинета Е.И.В.” 1899 г. узаконило новые принципы перераспределения земли на основе подушного надела (15 дес.). Широкие землеустроительные работы начались в 1901 г. В 1906 г. сельским сходом Черноануйского миссионерского селения (“инородцами” 4-й алтайской дючины) было принято решение о “причислении в оседлость” с образованием инородческой управы им. Великого князя Алексея с отводом земель отдельно от русских крестьян. Документ, составленный от имени 240 душ мужского населения в присутствии сельского старосты Ивана Истомина и кандидата Василия Холуева, подтвердили своими фамилиями ок. 150 домохозяев: Угрюмовы, Истомины, Емельяновы, Соколовы, Романовские, Волковы, Смирновы, Кусковы, Акатьевы, Евтифеевы, Задонцевы, Холуевы и т.д. – те, кто когда-то покинул казахскую степь и, завоевывая право на новую родину, принял православие.

Интенсивное переселение на Алтай дестабилизировало ситуацию. Конфликт в с. Черный Ануй развивался, принимая порой жесткие формы. Его причина коренилась в земельном переделе и неприятии переселенцами “киргизской” (казахской) церкви, где службы велись и на казахском языке. Этнокультурные противоречия и растущая конкуренция за владение землей стали факторами роста этнического самосознания. Разделение “своего” и “чужого” для казахов соединялось с поисками самобытности. Манифест о свободе совести 1905 г. стал поводом для возврата к исламу – вере, играющей для маргинального поликультурного сообщества дифференцирующую роль. Развитие ситуации привело в 1905–1910 гг. к выделению казахского с. Турата.

Дальнейшая судьба группы черноануйских/туратинских казахов, разделившей судьбу страны, оказа-

лась трагичной. Годы гражданской войны и коллективизации привели к социальной конфронтации и подорвали традиционную экономику. Последовавшие затем политические репрессии 1930-х гг. уничтожили национальную элиту – лидеров казахского возрождения начала XX в. По обвинению в причастности к “контрреволюционной националистической организации” на Алтае подверглись преследованиям десятки людей; им инкриминировали развал советского строя и коммунистической идеологии, японский и английский шпионаж, сотрудничество с казахской контрреволюционной организацией “Алаш-Орда”, пропаганду идей ойротского великодержавия и религиозную агитацию.

В Черном Ануе и Турате было арестовано ок. 70 мужчин. В число репрессированных попал и первый председатель национального казахского колхоза Саду Кусков; он был приговорен к высшей мере наказания, но, как и многие, реабилитирован в 1950-х гг. из-за отсутствия состава преступления. В годы Великой Отечественной войны на фронт ушли более 100 чел.; лишь немногие вернулись. Над Туратой и Черным Ануем зазвучали печальные песни:

Через вершину Тураты перевало я-оу!
Траву ее потопчу я.
Ау, сыновья мои безвременно ушли-оу!
Плача, я петь буду.
Как почка таволги-оу!
Как голос серого гуся.
Жаль, жизнь моя в горе прошла-оу!
Теперь почему уходить мне?!

(Фольклор туратинских казахов.
Перевод Е.В. Николиной)

Социальные потрясения сделали несущественными былые межэтнические противоречия. Потеряв значительную часть жителей – русских, алтайцев, казахов, – в годы Великой Отечественной войны села Черный Ануй и Турата прославились как родина героев. Четыре Героя Советского Союза вышли из этих мест: Елеусов Джанибек Акатович, Тугамбаев Кыдран Александрович, Уфимцев Сергей Кириллович и Шуклин Илья Захарович.

И хотя в 1920–1940-х гг. казахскому сообществу Северо-Западного Алтая был нанесен серьезный урон (подорвана эндогамность группы, трансформировались демографические структуры, усилилась метисация и т.д.), основное ядро черноануйских/туратинских казахов продолжало сохранять обычаи, язык, имя, самосознание. Их потомки и по сей день живут в Турате и Черном Ануе Усть-Канского р-на Республики Алтай. Из 1 130 чел., ныне живущих в Черноануйском сельсовете (Турата – 265 чел., Каракол – 155, Черный Ануй – 710 чел.), ок. 40 % – казахи, 40 % – русские, 20 % – алтайцы; хотя давно уже смешались в деревнях и семьи, и традиции.

Современный мир диктует свои законы. Меняется архитектура. Ветшают купеческие особняки на улицах Черного Ануя. Нет больше Свято-Троицкой церкви. Доживают свой век в Турате маленькие избушки, которые возводились по традиции, заложенной Алтайской миссией в конце XIX в. В них с огромными глинобитными печами соседствовали маленькие железные “буржуйки” и, по казахскому обычаю, на печке всегда стоял горячий чай.

Уходит в прошлое традиционная бытовая культура кочевников. Но остаются традиционные формы хозяйства, основу которого составляло отгонное пастбищное скотоводство с преобладанием коневодства. Меняются одежда и утварь, но сохраняются вещи, имеющие для казахов характер культурных символов. Еще живут в Турате мастерицы, продолжающие шить мозаичные ковры и стеганые одеяла из шерсти; по-прежнему сохраняют в домах старые зыбки и дедовские плети. Как и прежде, казахи соблюдают многие нормативные предписания; строго исполняют ритуалы, отмечающие появление человека на свет и его уход из жизни, – обряды укладывания в колыбель и погребально-поминальные церемонии, соединяющие людей в единое целое.

И хотя в начале XXI в. свободно владеют родным казахским языком (туратинским диалектом) только люди среднего и старшего возраста, а молодежь до 30 лет имеет лишь элементарные разговорные навыки, по-прежнему читают в Черном Ануе и Турате суры Корана, и по-прежнему звучат на свадьбах и праздниках казахские песни.

Надеждой на будущее становится для черноануйских/туратинских казахов их вера. Местные религиозные практики характеризует явление синкретизма – сложное переплетение элементов народных верований, ислама и православия. В последние годы предпринимаются попытки возрождения ислама. Одновременно в Черном Ануе идет строительство нового православного храма. Веротерпимость является одним из условий существования полиэтничного локального сообщества, частью которого стали потомки тех, кто когда-то покинул казахскую степь в поисках лучшей доли.

Сегодня казахи Северо-Западного Алтая включаются в систему контактов с казахскими сообществами Алтая, Монголии и Казахстана. Расширение связей ведет к росту этнического самосознания. В июле 2001 г. в Кош-Агачском р-не Республики Алтай состоялся Малый курултай казахов России, собравший гостей из Алтайского края, Москвы, Монголии, Китая, а также представителей Казахстана, членов Всемирной ассоциации казахов. Этот съезд обозначил диаспоральную доминанту в самоопределении казахов Алтая, которая явилась итогом длительного процесса этнического развития локального сообщества.

Нынешнее существование черноануйских/туратинских казахов не дает права на пессимистический прогноз. Республика Алтай, в 1991 г. провозгласившая суверенитет в территориальных границах Горно-Алтайской автономной области, декларировала “национальную государственность”, выразившую интересы и волю проживающих на этой территории народов к самоопределению, социально-экономическому прогрессу, культурному и духовному возрождению. В рамках алтайской государственности казахи, обладающие языковой, культурной самобытностью и единым самосознанием, как и все народы республики, получили подтверждение культурного и языкового суверенитета.

Благодарности

Дирекция Института археологии и этнографии СО РАН, руководство научно-исследовательского стационара «Денисова пещера», все участники фотопроекта выражают благодарность администрации Усть-Канского района Республики Алтай, черноануйской сельской администрации, педагогическим коллективам школ сел Черный Ануи и Турата, жителям Черного Ануя, Тураты и Каракола за поддержку и плодотворное сотрудничество.

И.В. Октябрьская

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
SIEM405@yandex.ru*

* * *

Фоторепортаж подготовлен А. Кузнецовым (г. Красноярск) и В. Кламмом (г. Новосибирск).

Александр Кузнецов родился в 1957 г. в пос. Новоселовском Красноярского края. Окончил Красноярский государственный технический университет. Мастер спорта по альпинизму, двукратный чемпион страны. Участник экспедиций на Эверест 1995, 1996, 1998 гг. С 1991 г. работает фотожурналистом в старейшей краевой газете “Красноярский рабочий” (издается с 1905 г.). Персональные выставки прошли в Москве, Санкт-Петербурге (1981–2002 гг.), Шотландии (1989), Индии (1990), Новой Зеландии (1991), Австралии, США, Франции (1992), Германии (1993, 1999). Лауреат конкурса “Горизонты Красноярья” (2001, 2002, 2003 гг.). В 2002–2005 гг. являлся участником международных экспедиционных и выставочных фотопроектов: “Люди на границах”, “Навстречу Нансену”, “Ворота Азии. Иртыш Черный и Белый”,

“М52. Чуйский Тракт”, “Северо-Западный Алтай: четыре времени года”. Один из авторов фотоальбома “Новосибирская область”, в 2005 г. отмеченного премией губернатора Новосибирской обл. Является обладателем золотой медали за победу в Третьем международном фотосалоне “Сибирь-2004”.

Валерий Клам родился в 1961 г. в г. Новосибирске. Окончил Новосибирский инженерно-строительный институт. В настоящее время – президент Фонда им. Ю. Кондратюка и фонда “Фототекст” (г. Новосибирск). В 2002–2004 гг. являлся руководителем и участником фотопроектов: “Люди на границе”, “Енисей: река истории – истории реки”, “М52. Чуйский тракт”, “Ворота Азии. Иртыш Черный и Белый”. Авторские фотоработы были представлены на выставках “М52. Чуйский тракт” (Москва, Бийск) и “Ворота Азии. Иртыш Черный и Белый” (Москва, Усть-Каменогорск, Семипалатинск, Павлодар, Омск).

1. А. Кузнецов. Село Черный Ануй. Утро воскресного дня.

Более полутора столетий прошло с тех пор, как на старом Уймонском тракте возникло село Черный Ануй. Первopоселенцами в долине Черги стали крещеные казахи, телеуты, алтайцы, казаки. Когда-то Черный Ануй был знаменит Свято-Троицкой церковью и кумысными фермами; славился своими ямщиками, куцами, конезаводчиками. Шло время. Менялось село.

В конце XX в. на избах появились спутниковые антенны, а в школе – компьютеры. Изменилась культура и нравы, но остались прежние ценности. Сегодня, как и когда-то, достаток по-прежнему измеряется численностью отар и конских табунов. И по-прежнему вьются над зимним Черным Ануем печные дымки, рождая ощущение домашнего тепла и покоя.

2. А. Кузнецов. Сельская улица в с. Черный Ануй.

3. А. Кузнецов. Свадьба Татьяны и Азамата Дюсембаевых в клубе с. Черный Ануй.

В один из морозных февральских дней 2005 г. в с. Черный Ануй Усть-Канского р-на Республики Алтай казахские семьи Акатьевых и Дюсембаевых играли свадьбу. На торжественную регистрацию в клубе собрались несколько сотен человек – казахи, русские, алтайцы – жители села, чья жизнь, судьба, прошлое и будущее переплелись в единое целое; так сплетаются корни деревьев или стежки узорных войлочных ковров, создавая основу бытия.

4. А. Кузнецов. Свадьба Татьяны и Азамата Дюсембаевых. Праздничное застолье. Свадебный каравай преподносят старейшим женщинам рода – бабушке невесты Көштөк-апа и бабушке со стороны жениха Чарбике-апа.

5. В. Кламм. Свадьба Татьяны и Азамата Дюсембаевых. Начало церемонии.

Изольда и Гайдар познакомились во время учебы в пединституте Горно-Алтайска. Гайдар был родом из джазатовских/кош-агачских казахов. Изольда по отцовской линии принадлежала к роду Истоминых – в прошлом одному из самых богатых казахских родов Черного Ануя. Их сын Азамат Дюсембаев выбрал в жены односельчанку – Таню из многочисленной семьи Акатьевых.

На свадьбе встретились две ветви казахов Алтая – кош-агачские и черноануйские родственники. Начиная торжество, домбрист из кош-агачских гостей исполнил традиционный “Бет ашар” и концом грифа поднял край фаты, открыв лицо невесты для новой родни и всего белого света.

6. В. Кламм. Подготовка к свадьбе Татьяны и Азамата Дюсембаевых. Исполнитель “Бет ашара”.

7. А. Кузнецов. В доме Сергея и Тамары Акатьевых. Бабушка невесты Көштөк-апа готовится к выкупу.

Бабушки и внуки связаны особыми отношениями. До поры до времени они живут общими заботами, говорят на одном языке. Потом о бабушках вспоминают в дни торжеств: им уступают самые почетные места за свадебным столом, бабушкой пытаются подменить невесту. От детства до старости проходит долгая жизнь. И все повторяется снова и снова. Дети женятся, бабушки воспитывают внуков.

8. А. Кузнецов. В доме Татьяны Куатбековны Елеусовой – учителя истории средней школы им. Героя Советского Союза К.А. Тугамбаева в с. Черный Ануй.

9. В. Кламм. Аркен-ага. Аркен Ефимович Смирнов (1929 г.р.) – старейший мулла с. Турата.

“По казахскому обычаю, если ребенка в зыбку кладут, барана по-человечьи должны заколоть, чтобы все косточки по суставам были разобраны. Только шею варят целиком; собравшиеся должны обглодать ее дочиста, чтобы шея и жизнь ребенка были крепкими; для этого вставляют в позвонки палку и прячут в надежном месте...” – так начинают в Черном Ануе рассказ про старый обычай укладывания младенца в колыбель. Его по сей день чтут в казахских семьях. До сих пор хранят в домах старые зыбки, в которых выросло не одно поколение малышей. Зыбки стареют, а дети растут, наследуя традиции дедов.

10. В. Кламм. В доме Алены и Евгения Минаковых. В зыбке Дима Минаков – маленький полноправный гражданин с. Черный Ануй.

11. **В. Кламм.** В доме Марии Николаевны Таксановой – учителя с 40-летним стажем, в недавнем прошлом директора Туратинской начальной школы.

Мария Николаевна Таксанова – отличник народного просвещения, более 40 лет работала учителем, долгие годы была директором Туратинской начальной школы, где всегда преподавали и сегодня по-прежнему преподают казахский язык. Школьные реформы проходили одна за другой, менялись программы и идеологические концепции; но при всех переменных здешние учителя, как и все люди старшего поколения, пытались сберечь родную речь и обычаи родного народа. Еще недавно лишь немногие старики в Турате и Черном Ануе читали суры Корана, теперь их знают многие молодые; и во время ритуальных застолий ладони раскрывают все, кто слышит священные слова: и молодые, и старые; и казахи, и русские, и алтайцы. Таков обычай.

12. **В. Кламм.** Застолье в доме Аркена Ефимовича Смирнова. Благословение – бата.

13. **А. Кузнецов.** На маральнике в с. Каракол.

Зима приходит на стоянки и фермы в окрестностях Тураты, Черного Ануя и Каракола, объединенных в одну сельскую администрацию, с обычными заботами: как прокормить скот, как уберечь от падежа и волков, как сохранить приплод. А для семьи Олега Задонцева есть еще одна проблема – как справиться со строптивой Люсей. Маленькую ишачиху Люсю Олег купил для своего пятилетнего сына Кудайбергена. Мальчику уже 10 лет. Люся тоже выросла, стала хозяйкой на стоянке и теперь гоняет коней.

14. **А. Кузнецов.** На зимней стоянке Олега Задонцева.

15. А. Кузнецов. Подготовка к застолью в доме Далабая Акатьева.

Ирина и Далабай Акатьевы, имея хорошо обустроенный дом в Черном Ануе, большую часть времени проводят на стоянке рядом с пастбищами, где тебенюет скот ассоциации "Ануй". Здесь их работа. В выходные дни и на каникулах к ним приезжают дети. В пространстве "кочевого" дома легко уживаются потрескивающая дровами печка, телевизор, благодаря спутниковой антенне вещающий на 23 каналах, календарь православных праздников и казахская плетель, защищающая семью от злых сил и недобрых глаз. Знаками гостеприимства дома становятся чай с молоком, дымящийся в тшалах, и почетное угощение казы – колбаса из конской брюшины, выложенная на блюдо с добрыми пожеланиями.

16. А. Кузнецов. Ирина, Далабай и Марина Акатьевы в доме на зимней стоянке.